



# ЧАСТЬ I

# 1

## ГЛАВА

Они говорили, что всё так и было. Но я-то помню, что Питер Кларк умер 5 ноября 2018 года. Я сам писал некролог, и газета вышла в день похорон. Я помню, как Хендерсон торопил меня.

— Через час отсылаем в печать, шевели своими извилинами, Керри, или выкинь свой чёртов диплом!

Я закончил журфак.

И устроился в местную газету. Временно, ради практики. Решил поработать здесь немного. С тех пор прошло двадцать лет, а я всё за тем же столом. Ту статью я писал впопыхах.

Я весь вымок, гуляя меж этих надгробий. Вообще, гулять по кладбищу не входило сегодня в мои планы. А гулять по кладбищу под дождём — тем более. Фонарь уже трещал издыхающими батарейками, дождевик промок насквозь, а я всё не мог найти это надгробие. Где ж ты, чёрт возьми?

Тогда, в 2018-м, Хендерсон сначала отправил меня на кладбище, а уже потом торопил, ожидая, пока я напишу хоть что-то сносное к этим безобразно сделанным фото. Тогда всё было безобразным, к чему бы я ни прикасал-

ся, так говорил Хендерсон, таким образом он «подбадривал» всех новичков. Я помню, стоял у надгробия, когда почти все разошлись, и фотографировал исподтишка, каждый раз съёживаясь в извиняющейся гримасе, когда фотоаппарат издавал громкий щелчок. Крайне неудобно было делать фото, когда кто-то кого-то хоронил. У могилы остались священник и одна молодая особа. Собственно, было негусто. Я кое-как сделал пару снимков и, извинившись, ушёл.

Потом написал что-то вроде:

*«Как известно, покойный был непубличным человеком, но это не умаляло его достижений в медицине и того, какой огромный след он оставил в нашей памяти и сердцах».*

Фу, и как только меня держали в этой газете с таким-то банальным слогом. Но дело даже не в этом, а в том, что некролог я точно написал, и надгробие точно сфотографировал, и фотографию эту точно удалил со своего компьютера, потому что «незачем всякими надгробиями засорять оперативную память», хотя, если бы не удалил, всё равно бы уже не нашёл. Этой карты памяти, как и компьютера, давно уже не было.

Тогда о смерти Питера Кларка передавали по новостям:

*«Известный профессор был сбит насмерть на территории кампуса. За рулём спортивного автомобиля находился пьяный студент.»*

*Питер Кларк скончался на месте, не приходя в сознание. Возбуждено уголовное дело».*

Два дня назад по новостным каналам передали о крушении легкомоторного самолёта, таких над Ла-Маншем летает с десятков за день, но рухнул в тот день один. За штурвалом, как вещала ведущая новостей, был семидесятишестилетний профессор медицинских наук Питер Кларк, который пересекал воды Атлантики и не долетел до берегов Франции каких-то пару миль.

Почему на кладбище был я один? Потому что никто, кроме меня, этого некролога не помнил. Как и этой смерти двадцатилетней давности. Газета та вышла с какой-то провокационной статьёй, нарушающей частную жизнь кого-то, то ли актёра, то ли мужа какой-то актрисы, по-моему, их звали Крамеры и тогда они были очень знамениты, а фотографии очень откровенны. В общем, этот парень грозился судом и миллионным штрафом, поэтому газету сразу изъяли с прилавков. Я даже был на суде, защищая старика Хендерсона, говоря, что он ни при чём. Хотя это было не так. В общем, всех собак тогда спустили на Стива — журналиста, написавшего эту статью. Его же потом и уволили. Не знаю, прочитал ли тогда кто-то ещё о смерти мистера Кларка, но то, что сейчас, кроме меня, о ней никто и не вспомнил, было уже очевидно.

— Ты что, не помнишь, как я её писал? — стоял я сегодня в кабинете старика Хендерсона, надеясь не помереть от сигарного дыма, которым он нас травил.

— Некролог, написанный двадцать лет назад, — затянулся он ещё раз, — дай-ка подумать. Конечно же, помню! — хлопнул он себя по лбу. — Я же помню всякую хрень! Иди работай, Керри, и не морочь мне голову!

И я пошёл... выискивать могильную плиту среди таких же однотипных плит. Мне казалось, я уже по третьему кругу обходил это кладбище, я даже увидел парочку призраков, или это были могильные статуи в свете моего фонаря... Зачем мне нужно было искать эту могилу, я не знал, но то, что было нужно, это точно.

Мой фонарь окончательно сдох. Я открыл отсек батареек и покрутил их. Блеклый луч загорелся опять, но тут же стал угасать и исчез на плите с именем какой-то пожилой дамы.

Отлично... Я посмотрел на промокшие ноги — вода в ботинках гуляла меж пальцев грязной холодной жижей. Я потряс ими, одним, вторым, но так и остался вымокшим и продрогшим насквозь. Проклятая осень с её дождями. Оглядев нехитрый пейзаж ещё раз, я увидел ворота, обрамлявшие выход из парка, там, за ними, объездная дорога, у которой я и оставил свою машину. Может, и не было той смерти? Пошёл я на выход. Мало ли что я помнил. Память вообще странная штука, как кривой пазл из обрывков прошлого, настоящего и мечтаний о будущем. Всё это сумбурное и вечно жужжащее собирается в один большой рой и строит в мозгу свои соты из пятиугольных

воспоминаний. Никаких доказательств может и не быть, их вообще тебе не нужно, когда есть пресловутое «кажется». Кажется, я это уже где-то видел, кажется, он уже умер двадцать лет назад, кажется, я говорил сам с собой.

Не успел я дойти и до середины кладбища, как был ослеплён таким же фонарём, каким минут десять назад сам освещал все могилы.

— Что-то ищите? — прокричал через ливень человек в чёрном дождевике с какой-то палкой в руках.

«Проблем себе на голову», — подумал я.

— Могу чем-то помочь? — не унимался он и приподнял палку.

Палка оказалась лопатой, а человек — работником кладбища, могильщиком или как их там?

— Я ищу одну могилу! — прокричал я в ответ.

— Это я уже понял, — всадил он клинок в мокрую землю и продолжил копать.

— Правда? — удивился я, не торопясь подходить к этому типу. Человек на кладбище с лопатой в руках — не самый приятный парень.

— А здесь можно искать что-то другое? — ухмыльнулся он.

И правда, кроме мертвецов, ничего не найдёшь.

— Вы не знаете, где здесь могилы восемнадцатого года? — спросил я.

— Тут все вперемешку. А кто вам нужен?

— Питер Кларк.

Могильщик замолчал и посмотрел на меня.

— Сэр, — окликнул я его после затянувшейся паузы.

— Однофамилец, что ли? — посмотрел он на белый камень возле своих ног.

Я подошёл ближе.

Белый камень оказался свежим надгробием, а яма — могилой, возле которой он и собирался поставить его.

— «Питер Кларк, 1962–2038 гг», — прочитал я надпись, подсвеченную мне фонарём человека с лопатой.

— Ну что? — посмотрел он на меня через льющийся с капюшона дождь.

— Однофамильцы, — процедил я сквозь стучащие зубы, посмотрел за могилу и остолбенел.

Теперь я не чувствовал ничего — ни дождя, ни холода, ни страха перед этим незнакомцем, только шум оглушающим эхом проносился в ушах.

Как я мог это забыть, ведь на том самом фото из моего некролога я случайно захватил резной барельеф камня соседней могилы, на нём был изображён улетающий голубь, а крылья его будто разрывали плиту. Этот камень был выше и больше других, больше надгробия мистера Кларка. Как и тогда, барельеф стоял здесь и сейчас.

Получается, мистера Кларка похоронили в той же могиле, на том самом месте, как и много лет назад. Получается, я не сошёл с ума. Или сошёл? Но сейчас не об этом. Таких совпадений быть не могло, таких случайностей



не бывает. Мне нужны были доказательства, свидетели, фото могилы, хоть что-нибудь...

— Что-то не так, сэр? — спросил могильщик.

Он оставил фонарь на земле, так что тот освещал всю могилу, а сам, спрыгнув в яму, копал уже из неё. А я всё не мог оторваться от даты на этом камне, мне казалось, закрой я глаза и открой их снова, что я проделал уже раза три, то дата после тире станет на порядок меньше. Но ничего не менялось, так и стоял на месте 2038 год.

— Всё так, — кивнул я и пошёл к воротам, — всё именно так, как и должно быть в самых идиотских кошмарах.

— Завтра придёте? — вдруг спросил он из ямы.

— Не понял...

— Будете на похоронах? — крикнул он мне через ливень.

— Нет, спасибо, я уже был.

Он посмотрел на меня, как на психа, и продолжил копать.

Может, я им и был.

# 2

## ГЛАВА

В салоне кричат пассажиры, матери успокаивают детей, кислородные маски свисают над креслами, но от них больше нет толку. Пальцы нервно стучат по телефону, вбивая последние слова. Астматик напротив вдыхает альбутерол, у него запотели очки. Рядом кричит ребёнок, переходя на хрип. У кого-то беспрестанно звонит мобильный. Сильный гул, громкий треск. Самолёт пытается выровнять крен. Гаснет свет, темнота.

Анна заглатывает спёртый воздух и никак не может вздохнуть.

«Открой глаза, открой глаза!» — она пытается себя разбудить. Внизу лишь огни берегов и морская тёмная гладь. И они в эту гладь падают с немыслимой скоростью.

«Проснись!»

— Боже! — она задохнулась от страха.

Опять в холодном поту просыпается, сжав мокрую простынь. Ее лёгкие полны воздуха, но всё так же неподвижно тверды. Она не может вздохнуть, пошевелиться, сделать хоть что-то. Так всегда цепенеет тело после этих ночных кошмаров. Анна часто умирает во сне, пару раз за неделю точно. Сегодня был тот самый

раз. Всегда один и тот же сон, и каждый раз как по новой. Смерти второй не бывает. К ней невозможно привыкнуть, даже во сне. Во сне Анна падала молча, это другие кричали, а потом пыталась воскреснуть, как мёртвая лежала в постели, пока не приходила в себя.

Она не могла заснуть без снотворных уже несколько лет. Её психика, борясь с неизбежным, блокировала всякий сон.

Ей посоветовали сходить к психологу. Она была у врачей. Дело в том, что она сама была психологом и ничего не помогало, ни одна из десятка методик. Она медленно шевелит рукой, пальцы постепенно отпускают простынь — один, второй, она разжимает кулак. Чувствует руку до локтя, теперь выше, боль в желудке под рёбрами, в сердце — оно безудержно бьётся, приливая кровь к вискам. Ноги свело в острой судороге, Анна вскрикнула, напряглась и посадила себя. Упёрлась руками в матрас, опустила ноги на пол — только мурашки в пальцах, онемение и боль. Она растирает ступни о шерстяной ковёр, пока не обжигает их трением. Она чувствует ноги, чувствует мягкость ковра. Она здесь, только бы встать с постели. Кто-то звонил ей всё утро, пока она пыталась проснуться. Вот опять — телефон на прикроватной тумбе разрывается в напрасных потугах. Анна нажимает «принять» и включает громкую связь. На том конце — женский голос, она узнаёт этот голос, как давно она не слышала его.

— Да, Филлис.

— Анна, милая, — голос плачет, — такое горе. — Замолкает, набирает воздуха, говорит: — Твой отец умер вчера.

Анна смотрит по сторонам, ей кажется, она ещё спит, ей кажется, это не с ней, не может с ней этого быть.

— Умер вчера? — переспрашивает она, надеясь услышать что-то другое.

— Разбился на своём проклятом самолёте.

— На чём?

— Ох, милая, похороны уже послезавтра, пожалуйста, прилетай.

Анна отключает телефон. На часах десять утра, за окном осеннее утро. Она уже чувствует тело, всё, до последней частицы, но это совсем не важно. В голове одна только мысль — это всё ещё сон.

Она вспоминает отца, его запах и взгляд мягко-строгий, исподлобья, из-под очков, его смех, кабинет и кресло, лабораторию, пробирки, и он над своим микроскопом, прильнув к окулярам, будто в них, а не вне — целая жизнь.

Анна спустилась с кровати на тёплый ковёр. Телефон на тумбе лежал неподвижно, она потянулась к нему, посмотрела последний номер — это точно был он. И номер, и голос плачущей Филлис.

Нажала на кнопку «вызов». Через пару гудков:

— Алло.

— Алло, Филлис?

— Да, дорогая.